

Наследие и идентичность

Понятие идентичности стало очень популярным в современных социальных и гуманитарных науках. Очевидно, что повышение интереса к этой проблематике связано с ослаблением «сильных» идентичностей, таких как национальная, религиозная, локальная. Способствовали этому и процессы глобализации, детерриторизации, индивидуализации. С одной стороны, современный человек более не обязан себя отождествлять с чем-то либо с кем-то, но, с другой, – тяга к общности, чувство принадлежности к какому-либо коллективу все-таки остаются ощутимыми.

Американский социолог Витаутас Каволис выделил четыре вида идентичности¹⁵⁰.

1. Сохраняющаяся и ценная уникальность как аутентичная индивидуальная идентичность (свойственна в основном западному обществу – от викингов до бизнесменов XIX в., вагабондов, пиратов и других искателей приключений, но известна и другим цивилизациям). Можно утверждать, что это понимание идентичности наиболее укрепилось в эпоху модернизма и усиливающегося индивидуализма.

2. Отождествление себя с обширной общностью: Богом, природой, нацией, классом, полом, языком. В данном случае то, что является самым ценным в индивиде, совпадает с каким-либо всеобщим принципом. Как раз именно этот тип идентичности более всего интересует современных исследователей культуры.

3. Высшие, самые интенсивные моменты и переживания индивидуального опыта. В данном случае индивид воспринимает себя как подвластного повседневной рутине, инерции, конформизму и внешним требованиям, которые затмевают его истинное «я». И лишь на очень короткое время он может почувствовать себя настоящим и живым, но такие экстатические переживания недолговечны. В данном случае социальный контакт затруднен, потому что Другой может быть лишь средством, орудием для достижения этого высшего момента, и аутентичная встреча между «Я» и «Ты» (ср. размышления философа М. Бубера по этому поводу) не возникает. Однако это понятие содержит и внутренние противоречия: с одной стороны, «высшими моментами» могут быть патриотические чувства, радость победы, опыт самореализации, с другой – оно содержит в себе и деструкцию, поскольку такие переживания могут быть ощутимыми при разрушении, убийстве, разбое, завоевании, одурманивании наркотическими средствами или алкоголем. Все это, очевидно, наблюдается и в историческом опыте Европы (крестовые походы, колониализм, мировые войны, холокост, расизм, национализм, «этнические чистки» и пр.).

4. Случайная, ситуационная идентичность, возникающая из непредвиденных встреч с другими людьми, которые могут породить моментальные, спонтанные, эмоциональные сообщества (например, в случае великой победы национальной сборной, когда спортивные болельщики выбегают на улицы, целуются, громят машины). Тут доминирует случайный опыт, который невозможно спровоцировать или запланировать. В таких ситуациях крепкие и долговечные социальные отношения затруднены.

Понятно, что первый и второй типы идентичности, выделенные Каволисом, кажутся приближенными к социальным и стабильным, а третий и четвертый – к асоциальным. Поэтому в нашем исследовании большего внимания заслуживает второй тип – коллективная идентичность и роль культурного наследия при ее формировании и укреплении.

Надо признать, что явления модернизации – социальная мобильность, глобализация, массовая культура – очень расширили возможности выбора индивидуальной идентичности. Сегодня мы можем себя определить: а) как граждан государства, в котором мы родились и проживаем (что традиционно обозначается как форма этнического или гражданского национализма); б) на основе конкретного региона (что не связано с государством, а, скорее, – с локальным патриотизмом, который иногда

¹⁵⁰ Vytautas Kavolis, *Kultūros drbtuvė*. Vilnius, Baltos lankos, 1996, p. 116-124.

способствует проявлению даже политического сепаратизма); в) в европейском масштабе (попытка ЕС создать европейскую идентичность, как известно, в некоторых странах вызвала национальное противостояние); г) наконец, при влиянии глобализации и культурной унификации можно себя считать просто «гражданином мира» – космополитом, интернационалистом¹⁵¹.

Исследователи обращают внимание на то, что сознательный поиск стабильной идентичности особенно усиливается в XIX в. в контексте национальных возрождений. Интересно, что до начала XIX в. ни европейцы, ни американцы почти не связывали свою идентичность с материальным наследием, и только через полстолетия большинство этих стран занялось его охраной как позитивно оцениваемой публичной деятельностью¹⁵².

Удивляет отмеченный теоретиком национализма Бенедиктом Андерсеном парадокс: объективный модернизм наций с точки зрения историков совмещается с их субъективной старостью в воззрениях националистов¹⁵³. Здесь проявляется то, что Эрик Хобсбаум назвал «изобретением традиции»¹⁵⁴.

Для формирования национального самосознания, опирающегося на общественную идентичность, требовалась веская основа. Ею стали национальная идеология и мифология, сопровождаемые своими эмблемами, героями, легендами и выдающимися историческими памятниками, которые, получив ценность метонимически и синекдохически конструируемых символов, были использованы как помощь в государственной репрезентации¹⁵⁵. Таким образом, национальная идентичность и национальное наследие надолго стали компонентами гражданского самосознания.

Национальное государство оказалось, по сути, не только главным хранителем наследия, поскольку взяло в свои руки сакральное наследие и наследие знати, но и формирующим официальную версию истории. Эта логика не чужда и современным формам национализма. Например, боевые части бывшей Югославии во время войны 1992-1995 гг. бомбардировали исторические памятники, не имеющие стратегического значения, но важные для национальной идентичности противника¹⁵⁶.

Хотя в XX в. тоталитарные режимы стремились перестроить или обесценить национальную идентичность, однако это удалось только отчасти. Например, в СССР, где официально настойчиво декларировались «интернационализм» и «дружба народов», по сути, воцарилась велико русская идеология «старшего брата», принимавшая другие народы, а при необходимости не брезговавшая и принципом «разделяй и властвуй». Поэтому вряд ли можно утверждать, что это был период, благоприятный для реального преодоления порожденных национализмом застарелых межэтнических конфликтов, напряжений и стереотипов, скорее, они подавлялись, затушевывались или игнорировались. Поэтому усилия по оживлению и сохранению национальной идентичности стали заботой многих посткоммунистических стран.

С одной стороны, в публичном пространстве было и есть стремление заполнить исторически возникшие пробелы в каталоге знаков и символов национальной идентичности, проявившиеся и в попытках восстановления утраченных исторических памятников (например, восстановление Дома черноголовых в Риге, Дворец правителей Нижнего замка в Вильнюсе).

Однако если националистическая идеология активно поощряла стремление к построению гомогенного социального дискурса и единого «национального наследия», выражая интересы общества, создаваемого на основе доминирующей – титульной – нации, то сегодня во многих странах Запада мы видим скорее противоположную тенденцию – выявить и подчеркнуть разнообразие и культурные различия.

¹⁵¹ Dekker Henk, Darina Malova, Hoogendoorn Sendern, Nationalism and Its Explanations, *Political Psychology*, 2003, vol. 24, no. 2, p. 347-348.

¹⁵² Caring for the Past: Changing Attitudes, *Our Past before us* (ed. by D. Lowenthal and M. Binney). London, Temple, 1981, p. 18-21.

¹⁵³ Benedict Anderson, *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. London, Verso, 1991.

¹⁵⁴ *The Invention of Tradition* (ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger). London, Cambridge University Press, 1983.

¹⁵⁵ Paul Léon, *Les principes de la conservation des Monuments historiques...*, p. 2-52.

¹⁵⁶ François Chaslin, *Patrimoine yougoslave et purification ethnique, Patrimoine et passions identitaires. Entretiens du Patrimoine* de 1997. Paris, Editions du Patrimoine, 1998, p. 337-348.

В обществах стран Запада меняются соотношения политико-экономико-социальных сил, т.е. ранее дискриминированные группы (низшие слои общества, немногочисленные религиозные общины, этнические и сексуальные меньшинства, женщины, инвалиды) начинают оспаривать традиционно сложившиеся роли элиты и непривилегированных и требовать внимания к своим интересам и потребностям. Для создания и поддержки идентичности этих общественных формирований значимым и аутентичным является компонент *истории-памяти-наследия*. Это едва ли не ярче всего видно в репрезентациях крестьянства (этнокультуры) и рабочих (индустриального наследия) и многокультурного разнообразия, значительно расширивших с 70-80-х гг. XX в. образ «национального наследия», до тех пор, по сути, представлявшего культуру элиты¹⁵⁷.

С середины XX в. многие исследователи национализма начали объявлять о конце этой идеологии, которую, по их мнению, должны вытеснить социальная мобильность и глобализация¹⁵⁸. Однако недавние события конца XX в., такие как распад Советского Союза и появление независимых государств Центральной и Восточной Европы, а также одно за другим обновляющиеся движения сепаратизма на Западе (фламандцев в Бельгии, басков и каталонцев в Испании, отделение ирландцев, вызвавшее стремление к автономии шотландцев и уэльсцев в Великобритании, сепаратистское движение в канадской провинции Квебек, продолжающееся почти 50 лет), опять породили беспокойство не столько политиков, сколько ученых. Как охарактеризовать национализм в контексте современного глобального мира? В каких формах и видах он проявляется сегодня в условиях укрепляющейся демократии? И какую роль в этом контексте могут сыграть история и наследие?

Итак, национализм сегодня как на западе, который имеет многолетние традиции демократии, так и на востоке Европы, который только привыкает к освоению ценностей демократии, остается актуальной проблемой, проявляясь и в умеренных, и в радикальных формах.

Исследователь современного национализма Дэвид Браун утверждает, что он является дуалистским явлением. С одной стороны, национализм может означать гомогенизацию, социальную гармонию, моральную стабильность, с другой – может стать стимулом для разложения общества. Стремясь обосновать это утверждение, ученый приводит исторические примеры. Так, деструктивной идеологией национализма он считает колониализм, который позволил жителям Запада уничтожать культурное наследие завоеванных народов, объявляя его «примитивным», не имеющем цены. Кстати, колониализм своей политикой породил и такие формы сопротивления «инаковости», как ксенофобия и расизм¹⁵⁹.

Дэвид Браун замечает, что сегодня уже национализм нередко разжигает агрессию на религиозной, этнической, а иногда и культурной почве и приводит в пример акции мусульманских экстремистов во всем мире¹⁶⁰.

По признакам восприятия и интерпретации национализма Дэвид Браун подразделяет его представителей на три категории.

1. Примордиалисты акцентируют внимание на врожденных кровных связях, объединяющих отдельных индивидов в народ, и отрицают конструктивный и мультиперспективный взгляды. Согласно взглядам примордиалистов, народ – это общность с ее естественными органичными социальными связями, члены которой ощущают врожденную эмоциональную принадлежность к ней. Национальность с этой точки зрения является прирожденным правом человека. Идентичность здесь закреплена природой, поэтому, не поддаваясь социальным изменениям и трансформациям, традиции понимаются как стабильные во времени и передаваемые из поколения в поколение формы коллективного сознания¹⁶¹.

¹⁵⁷ J. E. Tunbridge, G. J. Ashworth, *Disonant Heritage...*, p. 20-93.

¹⁵⁸ Так считали Джонсон, Тиви, МакНейлл и др. Шире см.: Anthony D. Smith, *Myths and Memories of the Nation*. Oxford University Press, 1999, p. 258-261.

¹⁵⁹ Интересный исторический обзор расизма дает в своей статье фламандский исследователь Годелиев ван Геертруен. Подробнее см.: Godelieve van Geertruyen, *Démons sans merveilles, peuples sans histoires. Comment l'Occident a perçu les Africains à travers les siècles. Racisme continent obscur. Clichés, stéréotypes, phantasmes à propos des Noirs dans le Royaume de Belgique*. Bruxelles, 1991, p. 19-44.

¹⁶⁰ David Brown, *Contemporary Nationalism: Civic, Ethnocultural and Multicultural Politics*. London, Routledge, 2000, p. 27.

¹⁶¹ David Brown, *Contemporary Nationalism...*, p. 6.

2. **Ситуационалисты** отрицают природу как самодовлеющий фактор коллективной идентичности и считают, что в контексте социальных изменений индивиды рационально воспринимают потребность объединяться в сообщества, чтобы реализовать гражданские интересы¹⁶².

3. **Конструктивисты** полагают, что национальная идентичность может конструироваться на основе идеологического и институционного каркаса, предлагающего упрощенные формулы идентичности, способствующие поддержке гомогенности общества¹⁶³. По мнению исследователя, эта позиция требует постоянного наблюдения за состоянием общества и поиска способов, как поддержать единство и стабильность в гетерогенном социуме. Конструктивисты не перенимают, а изобретают традиции, поэтому идеология с их точки зрения является действенным средством поддержания гомогенизирующих связей общества¹⁶⁴.

На основе трех взглядов сформировались три политические стратегии укрепления национализма. Ученый анализирует их в рамках политики формирования идентичности, прав человека, распределения силы и ресурсов, отношений между большинством и меньшинством.

1. **Этнокультурная стратегия** – порождение примордиалистской идеи о прирожденной и неотъемлемой принадлежности человека народу. Эта идеология выражается концентрированно в закрытой ассимиляционной политике и провозглашает отделение этнически определенного сообщества от тех, с кем его разделяют расовые, религиозные, языковые и другие связи, подтверждающие общее происхождение¹⁶⁵. Эта стратегия характерна для стран, придерживающихся политики культурной и экономической изоляции; в них иногда проявляются чувства сильной ксенофобии. Такие страны часто переживают внутренние этнические конфликты и являются закрытыми в международных отношениях.

2. **Гражданская стратегия** в отличие от этнокультурной акцентирует внимание не на прирожденных общественных связях, а на равных гражданских правах и возможности действовать и жить в государстве, ограниченном конкретной территорией. Основная цель гражданской стратегии – интегрировать индивидов на государственном правовом уровне, поддерживаемом общечеловеческими чувствами лояльности и солидарности по отношению к государству¹⁶⁶. Основной ценностью идеологи гражданской стратегии считают не национальность, а гражданство, поскольку признается верность прежде всего политическому устройству, законам государства и только после этого – языку и культурным традициям. Гражданская стратегия, по словам Дэвида Брауна, толерантна по отношению к религиозным и культурным различиям, однако до тех пор, пока представители таких культурных и этнических меньшинств проявляют лояльность и верность государственному устройству. При возникновении конфликтов административный и правовой аппарат государства принимается за активную интеграционную политику¹⁶⁷.

3. **Мультикультурная стратегия**, на взгляд Дэвида Брауна, является не радикальным преодолением национализма, а постмодернистской трансформацией его, подобной восточному рынку, где полно различных экзотических продуктов, одежды различных стилей, звучит самая разнообразная музыка, происходят представления различных обрядовых традиций. Опираясь на определение мультикультурализма Кристофера Лаша как маргинальности и разнообразия, он определяет мультикультурное государство как «государство меньшинств»¹⁶⁸, в котором уважаются различные этнические, культурные традиции и пропагандируется разнообразие. Мультикультурная стратегия концентрируется в выдвинутые упомянутыми этнокультуралистами прирожденные связи, гомогенизирующие общество, и, расширяя спектр этих связей до половых, возрастных, профессиональных и других групп и самоопределений, провозглашает одинаковые для всех связи и возможности действовать и

¹⁶² Ibid., p. 13.

¹⁶³ David Brown, *Contemporary Nationalism...*, p. 20.

¹⁶⁴ Ibid., p. 21.

¹⁶⁵ Ibid., p. 128.

¹⁶⁶ Ibid., p. 126-127.

¹⁶⁷ David Brown, *Contemporary Nationalism...*, p. 133.

¹⁶⁸ Ibid., p. 128.

жить в соседстве, выдвигая лишь основные общечеловеческие требования толерантности и уважения друг к другу¹⁶⁹. Хотя это создает довольно большую опасность возникновения конфликтов между этими маргинальными сообществами, такая стратегия своим содержанием, по словам Дэвида Брауна, не разъединяет сообщества, а способствует их объединению и взаимопомощи.

Если национализм, несмотря на его недостатки, выражал социальную справедливость, равенство и права граждан, то мультикультурализм пытается делать то же самое, только опираясь на гибридность и космополитизм, заявляя о равных правах ранее подчиненных групп. Однако делать это нелегко не только из-за присутствия в некоторых маргинальных группах или молодежных субкультурах, например скинхедов, открыто пропагандируемых ксенофобских, расистских или шовинистских установок, которые только с трудом прикрывает тонкий официальный щит «политкорректности». Иногда стремление к мультикультурализму действительно позволяет интегрировать в доминирующую культуру несколько экзотических маргинальных элементов, выбранных из культуры национальных меньшинств¹⁷⁰. Такой мультикультурализм не создает реальной угрозы доминирующей культуре, которая с его помощью чувствует себя обогащенной. Однако этот шаг может вести к усилению этничности, которая больше разделяет, чем объединяет. Кстати, менеджеры по туризму уже давно заметили, что «туристам в вашей местности можно продать только их собственное, а не ваше наследие»¹⁷¹.

Специалисты отмечают, что нелегко решать практические проблемы сосуществования различных групп, даже если призвать на помощь модели многокультурного исторического опыта¹⁷². И сегодня на более умеренные или бурные реакции в случае проявления «чужого» наследия больше всего влияют **конфликтующие националистические установки**, свежесть исторических травм и недостаток хронологической и психологической дистанции с драматическими событиями прошлого¹⁷³. Таким образом, современные межгрупповые конфликты в спорах из-за наследия чаще всего имеют глубокие исторические корни. Однако, несмотря на все еще господствующую моноперспективность националистического образа прошлого, понемногу появляются предпосылки для мультиперспективного, многокультурного взгляда на наследие. Ведь, например, ни один исторический город не может быть полностью «присвоен» каким-либо одним народом, особенно крупные города, имеющие большое значение для развития целого региона и постоянно наполняющиеся разнонациональными жителями, тем более «принадлежащие всем» города всемирного наследия.

Если классическая доктрина охраны памятников, начавшая формироваться во второй половине XIX в. в государствах Западной Европы, по сути находилась под влиянием национализма и сама влияла на усилия по конструированию и сохранению национальной идентичности, то в постмодернистскую эпоху вопрос об идентичности, особенно в контексте продолжающегося ослабления силы и влияния национальных государств¹⁷⁴, хотя и став одним из основных пунктов повестки дня, остается особенно туманным и трудно определяемым. *Какая идентичность? чья идентичность? как ее связать с наследием?* Эти трудности особенно сильно проявляются в попытках создать европейскую идентичность.

Совет Европы сегодня намеревается осуществлять «европеизацию» опыта и памяти европейцев на основе принципов «охраны» и «распространения» фундаментальных идей членов Сообщества¹⁷⁵. Стратегия создания «европейской идентичности»

¹⁶⁹ Ibid., p. 129.

¹⁷⁰ Graham B., Ashworth G. J., Tunbridge J. E., *A Geography of Heritage...*, p. 101.

¹⁷¹ G. J. Ashworth, *The conserved European City...*, p. 282.

¹⁷² Graham B., Ashworth G. J., Tunbridge J. E., *A Geography of Heritage...*, p. 101-121.

¹⁷³ Это хорошо иллюстрировал бы недавний конфликт в Вильнюсе, возникший между литовскими и польскими католиками из-за трактовки духовного наследия жившей в этом городе в 1933-1936 гг. св. Фаустины Ковальской. Попытки церковных властей универсализировать распространенный этой святой культ Божьего Милосердия, который поляки до тех пор считали своим, и его материальные атрибуты – особенно чудотворный образ Милосердного Иисуса – вызвали лютое сопротивление верующих поляков, которые не согласились с переносом образа в специально предназначенный для него костел, хотя позднее это и было сделано. Этот конфликт, без сомнения, косвенно был инспирирован и отголосками старых споров о национальной и государственной принадлежности Вильнюса.

¹⁷⁴ Зигмунт Бауман, *Индивидуализированное общество*. Москва, Логос, 2002, 52-71.

¹⁷⁵ Reinhard Johler, *Europe, Identity and the Production of Cultural Heritage*, Lietuvos etnologija: socialinės antropologijos ir etnologijos studijos. 2002, 2(11), p. 9-22.

заставляет порвать связи с охраной наследия, традиционно ориентированной на национальное наследие. Чтобы избежать его политизации, акцент переносится на значение и смысл категории «права человека». Однако это обстоятельство лишний раз сигнализирует о кризисе восприятия понятия «Европа». Очевидно, что Европейский союз создавался и создается на бюрократической, прагматико-экономической основе, а не на основе самосознания и культуры. Поэтому до сих пор не ясно, что надо считать чисто «европейскими» ценностями, видениями, практиками, нормами поведения – и как их следует охранять и развивать?¹⁷⁶

Как уже упоминалось, эти стремления требуют переориентирования установок от национального наследия, на которое и теперь прочно опираются национальные государства, на ненациональные – региональную или локальную – идентичности, благодаря которым создается супранациональная европейская идентичность. В связи с этим немецкий исследователь Райнхард Йолер отметил, что если в экономике ЕС ориентируется на поддержание процессов гомогенизации, то в отношении культуры – наоборот, «субсидии ЕС очень сильно помогли создавать различия в Европе»¹⁷⁷. Однако хотя региональное или «приходское» наследие и может быть в различных масштабах инкорпорировано в статус национального и, в обход его, супранационального наследия, но также оно может послужить и идеологам регионального сепаратизма. Как уже упоминалось, некоторые страны Западной Европы (Испания, Бельгия, Объединенное Королевство) не одно десятилетие испытывают сложности именно в этой области региональной политики, с трудом решая специфические проблемы национальных или конфессиональных меньшинств.

Культурное разнообразие регионов несомненно может послужить развитию туризма наследия. Однако для туризма нужна не только развитая качественная инфраструктура, аутентичность представляемых ценностей, но особенно интересные темы. Поскольку политики и интеллектуалы Европейского союза ставят цель создать и утвердить общеевропейскую идентичность¹⁷⁸, для ее обоснования, кроме прочего, подыскиваются и определенные сюжеты европейской истории и иллюстрирующие их культурные ценности¹⁷⁹. Созданный с этой целью Советом Европы Институт европейских культурных путей уже с 90-х гг. XX в. ищет темы, позднее получившие вид конкретных туристических маршрутов, которые могут объединять широкие ареалы старого континента. Начав с восстановления паломнического пути в Сантьяго де Компостелла, обосновавшийся в Люксембурге институт, с помощью различных заинтересованных партнеров многих стран Европы, сегодня предлагает путешественникам культурные пути, объектом которых становятся важные исторические личности (например Моцарт), шелк, барокко, парки и сады, культурные ландшафты, индустриальные сооружения, фортификации, еврейское наследие, монастыри, города Ганзы, викинги и пр.¹⁸⁰ Эти проекты воспринимаются широкой общественностью чаще всего во время ежегодно проводимых *Дней европейского наследия*, посвященных какой-либо теме, но многие из них были и остаются продолжающимися.

Однако поиски европейской идентичности часто сталкиваются и с проблемой выделения и определения фундаментальных «европейских» событий, известных личностей и мест, поскольку их интерпретации и оценки в различных государствах могут сильно различаться и вызывать совершенно нежелательные диссонансы и конфликты. Особенно очевидно это проявляется в трактовке событий Второй мировой войны.

Выходит, что во имя общего спокойствия европейские страны стараются смягчить все возможные политические ассоциации наследия, в том числе и националистические (которые служили интеллектуальной основой в период создания национальных систем охраны наследия) и перейти к чему-нибудь «общеевропейскому», не имеющему преемственности и традиций, рискующему быть искусственно притянутым,

¹⁷⁶ Подробнее см.: Peter Wagner, *From Monuments to Human Rights: Redefining „Heritage“ in the Work of Council of Europe. Forward Planning: the Functions of cultural Heritage in the changing Europe. Expert's contributions.* 2000, 9-28, [http://www.coe.int/T/E/Cultural_Co-operation/Heritage/Resources/ECC-PAT\(2001\)i6i.pdf](http://www.coe.int/T/E/Cultural_Co-operation/Heritage/Resources/ECC-PAT(2001)i6i.pdf) (см. 200711 30).

¹⁷⁷ Reinhard Johler, *Europe, Identity and the Production of Cultural Heritage...*, p. 20.

¹⁷⁸ G. Delanty, *The Quest for European Identity. Making the European Polity* (ed. by Erik Oddvar Eriksen). London, Routledge, 2005, p.127-142.

¹⁷⁹ G.J. Ashworth, *Heritage, Tourism and Europe: a European Future for a European Past? Heritage, Tourism and Society...*, p. 68-84; G.J. Ashworth, P.J. Larkham, *A Heritage for Europe: the Need, the Task, the Contribution. Building a New Heritage. Tourism, Culture and Identity in the New Europe* (ed. by G.J. Ashworth, P.J. Larkham). London, Routledge, 1994, p. 1-12.

¹⁸⁰ Подробнее см.: www.culture-routes.com

как, например, идеи прав человека и приоритета закона или очевидно компромиссный конструкт «Мощь и превосходство Европы в разнообразии».

Сегодня стремление сторонников общей европейской культурной политики создать и поддерживать европейскую идентичность ведет к тому, что можно было бы назвать поисками принципа единства. Это побуждает идентифицировать и выявлять те аспекты прошлого, которые вместили бы историю и культурные ценности стран Европы в общеевропейское пространство. Такое стремление может быть реализовано не только в русле нахождения новых исторических сюжетов или переинтерпретации старых, но и путем идентификации, раскрытия и надлежащего предъявления посетителям ценностей культурного наследия, наиболее подходящих для реализации этой задачи. С этой целью можно концентрировать внимание населения на региональной специфике Центральной и Восточной Европы, актуализируя во имя гармонизации соседских отношений периоды «общего прошлого» (например, эпоху Великого княжества Литовского), не гнушаясь и наследием недавнего коммунистического прошлого (об этом речь пойдет далее).

В этом контексте не менее важно и выделение принципа разнообразия. Экономические, культурные и особенно ментальные различия, а также разный опыт «старожилов» и «новичков» ЕС, увеличивающееся количество эмигрантов, процессы частичной реэмиграции и уже начавшейся новой иммиграции стимулируют поиски своеобразной региональной и национальной идентичности.

Опыт стран Европы выявил одну общую тенденцию – движение ко все более усиливающемуся регионализму. В свою очередь это, кажется, усиливает локальное и региональное самосознание. Об этом убедительно свидетельствует динамично увеличивающееся количество деревенских сообществ. Последние все чаще начинают обращаться к источникам местного наследия не только вследствие потребностей самоидентификации, но и нередкой необходимости обезопасить свое жилое пространство от потенциально или реально угрожающих ему проектов экономического развития. Это в свою очередь поощряет создание «снизу» спонтанных групп охраны окружающей среды и наследия, так называемых сообществ «только не в моем дворе» (*not in my Back Yard*)¹⁸¹, с которыми можно связывать надежды на усиление общественной охраны наследия в посткоммунистических странах.

Можно констатировать, что процессы евроинтеграции и глобализации оказывают неоднозначно трактуемое влияние на источники наследия. В плоскости их интерпретации уже сейчас очевидно, что понятия зарубежных туристов и местных жителей о том, что следует считать культурными ресурсами, могут сильно расходиться. Например, популярность у иностранных туристов парка советской скульптуры, находящегося на юге Литвы в местечке Грутас, убеждает в том, что западным людям посткоммунистические страны часто интересны именно опытом и наследием советского времени, что по понятным причинам может совсем не совпадать с чувствами и ожиданиями местных жителей¹⁸². И, наоборот, меньший диссонанс проявляется в случаях раскрытия и использования местного аристократического и сакрального наследия, поскольку в архитектурно небогатом ландшафте дворцы, костелы и монастыри являются едва ли не самыми яркими визуальными знаками «европейскости». Однако наследие аристократической культуры в силу исторических обстоятельств часто не считается собственностью народа, и его интерпретация в странах Центральной и Восточной Европы вызывает много не знакомых (или не так очевидных) населению других стран сложностей. Да и богатства сакрального наследия в секуляризованном обществе становятся труднопонимаемыми, расшифровываемыми и потому – менее востребованными.

Актуализации локальных ресурсов уже теперь способствует интенсивно развивающийся сельский туризм: экологическое земледелие, региональные праздники, возрождаемые традиционные ремесла. Этому направлению европейской культурной политики, как показывает опыт других стран, лучше всего может помочь надлежащая интерпретация исторических городов (об этом речь пойдет далее).

Итак, при стремлении обозначить спектр использования наследия для создания и сохранения коллективной идентичности в глобальном мире возникают осложнения. Однако теперь встает не только вопрос, *какое наследие*, но и *что с ним делать?* Поэтому далее мы обратим внимание на историческое развитие самой дисциплины охраны наследия и современной ситуации в этой специфической деятельности, начиная с ее истоков.

¹⁸¹ Manuel Castells, *The Information Age...*, p. 173-176.

¹⁸² Duncan Light, *Gazing on Communism: Heritage Tourism and Post-communist Identities in Germany, Hungary and Romania*, *Tourism Geographies*, 2000, no. 2, p. 157-176.